

Екеуінің өзеннің екі бетінде жатуы да қисынды, бірі адам да, екіншісі – перінің қызы. О дүниеде екеуінің бір қауымда болуы мүмкін емес. Міне, мәселе қайда жатыр! Осы жерде аты әлем фольклортанушыларының ортасынан ойып орын алатын академик Сейіт Қасқабасовтың сөзі еске түсті, ғұлама тарихи аңыз түгілі, миф пен ертегінің де тарихи негіздері бар деуші еді. Ал «алып» сөзіне келетін болсақ, ғылымға бас қойсақ, «алып» – сақтар мен ғұндар заманынан бері ел қорғаған батырлардың, қолбасы ерлердің атына қосылып айтылып келе жатқан мәртебелі атақ. Түрік қағанаты тұсында бұл сөз әскери титул мағынасында да қолданылған.

Қолданылған әдебиеттер тізімі

1. Ажигали С.Е. Генезис традиционной погребально-культурной архитектуры Западного Казахстана, А., 1994;
2. Алып-Ана // Казахстан. Национальная энциклопедия. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. – Т. I.
3. Ескерткіштер тарихы. – Путеводитель по памятникам. Ақтобе, 1992.
4. Қазақтың этнографиялық категориялар, ұғымдар мен атауларының дәстүрлі жүйесі. Энциклопедия. - Алматы: DPS, 2011.
5. «Қазақстан»: Ұлттық энциклопедия / Бас редактор Ә. Нысанбаев – Алматы «Қазақ энциклопедиясы» Бас редакциясы, 1998 жыл Мұхтарова О.Г. Қазақ қоғамындағы Әйел-Ананың орны мен рөлі. //ПГУ Хабаршысы. Гуманитарлық серия. №2-2010. 31-37-бб.
6. Сакральный Казахстан.Т.2 – Астана, 2018 - С. 129.

УДК 902/904

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД ДРЕВНИХ ТЮРКОВ (НА ПРИМЕРЕ КУЛЬТОВО-МЕМОРИАЛЬНОГО КОМПЛЕКСА ЕЛЕКЕ САЗЫ)

Талипов Нурбол Турлыбекулы

Студент 3 курса специальности «Археология и этнология»,
Евразийский Национальный Университет имени Л.Н.Гумилева, г. Нур-Султан

Аннотация: Статья посвящена исследованию археологического культурно мемориального комплекса Елеке сазы на характерные черты тюркского погребального обряда. Статья преследует цель обзор необычайного комплекса как яркий пример тюркского погребального обряда на территории Казахстана. Автор статьи лично участвовал в исследовании культурного археологического объекта культово-мемориального комплекса принадлежащий к тюркскому периоду. В статье преследуется цель планового обзора необычайного комплекса Елеке сазы как на яркий пример тюркского погребального обряда на территории Казахстана. Исследование за период промежуточных результатов за 2019-2020 год на Елеке сазы была проведена сложная работа по исследованию храма, жертвенного ритуала, объекта и оградительного сооружения.

Многочисленные исследования погребальной практики древних, средневековых и традиционных обществ наглядно показывают, что в ходе археологических раскопок может быть изучена только часть ритуальных действий. Некоторые компоненты обряда, осуществляемые до, во время и после похорон и нередко имевшие большое значение для людей прошлых эпох, по разным причинам не могут быть зафиксированы.

Археологи имеют возможность рассматривать только сохранившиеся после многих веков вещественные остатки, однако их детальный анализ по Погребальный обряд, фиксируемый в ходе археологических исследований, может быть представлен как система, состоящая из трех основных элементов: наземные и внутри могильные конструкции, ритуал погребения, сопроводительный инвентарь. В рамках такой общей схемы изучение погребальных сооружений предусматривает анализ всех зафиксированных наземных и внутри могильных конструкций, так или иначе связанных с погребальным комплексом. Вид

этих сооружений определялся многими характеристиками, связанными с особенностями жизнедеятельности людей: природно-климатическими условиями, типом ведения хозяйства, уровнем развития навыков работы с различными материалами. Таковым объектом исследования в этой статье стал культурно-археологический объект Елеке сазы за период исследования за 2019-2020 год. Было сделано обширная работа по изучению данного комплекса. В Статье будет представлен обзор ряда работ, проведенных при моем участии.

К настоящему времени в Монголии раскопано около тридцати объектов, с разной степенью достоверности относящихся к погребальным комплексам раннесредневековых тюрков. Данная цифра выглядит весьма незначительной по сравнению с количеством захоронений кочевников, исследованных на сопредельных территориях Алтае-Саянского региона. Ряд рассматриваемых памятников подвергся полному или частичному ограблению, вследствие чего информация оказалась далеко не полной. Также не одинаково качество введенных в научный оборот материалов полевых исследований. Вместе с тем имеющийся объем данных позволяет охарактеризовать основные компоненты обрядовой практики раннесредневековых тюрков Монголии, а также определить специфику погребальных комплексов кочевников на этой территории. Данная специфика погребального обряда традиционна для этой территории тюркского периода также ярко представляется на территории Казахстана на примере комплекса Елеке сазы.

Большая часть некрополей номадов рассматриваемой общности раскопана в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна небольшая серия объектов в западной части страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также одно захоронение на северо-востоке (Хэнтэйский аймак). Такая локализация погребальных комплексов раннесредневековых тюрков лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников.

Большая часть объектов раннего Средневековья изучена в центральных и северных районах Монголии (Архангайском, Баянхонгорском, Булганском, Селенгинском, Уверхангайском, Центральном аймаках). Кроме того, известна довольно представительная серия памятников на западе страны (Баян-Улэгейский, Убсунурский и Ховдский аймаки), а также зафиксированы отдельные объекты на северо-востоке. При этом очевидно, что такая локализация тюркских некрополей лишь отчасти объясняется объективными причинами и спецификой расселения кочевников. В большей мере территориальные рамки распространенных памятников обусловлены степенью интенсивности полевых исследований в разных областях страны. Потому в ходе будущих археологических работ в Монголии зафиксированная ситуация может измениться. Анализ выявленных закономерностей в расположении и локализации курганов тюрков Монголии показывает, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты второй половины 1 тыс. н. э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени.

Другим вариантом данной традиции у населения Алтая первой половины 1 тыс. н. э. было помещение лошади «в ногах» умершего человека, за стенкой погребальной камеры. Схожая ситуация зафиксирована в одном из наиболее ранних тюркских погребений, исследованном на территории Тувы. Вероятно, с традициями хуннуско-сяньбийского времени следует связывать также некоторые «одиошные» захоронения, в том числе, относящиеся к кызылтаускому этапу. Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии культуры тюрков с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая второй половины V-первой половины VI вв. н. э. Прежде всего следует отметить наибольшую простоту в оформлении наземных конструкций. Курганные насыпи чаще всего представляли собой одно или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение

получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций.

Помимо признаков погребальной обрядности, демонстрирующих возможную связь памятников раннего этапа в развитии культуры тюрок с традициями предшествующего времени, выделяются и другие черты, отличающие комплексы Алтая второй половины V-первой половины VI вв. н. э. Прежде всего следует отметить наибольшую простоту.

Курганные насыпи чаще всего представляли собой одно или двухслойную каменную наброску; не зафиксировано ни одного случая сооружения крепиды или ограды. Определенное распространение получили впускные погребения, что является характерным признаком для периодов, когда происходит сложение традиций. Другим объяснением появления таких объектов является нестабильность политической ситуации, также обусловленной процессами формирования новой общности кочевников.

Одним из показателей, отличающих погребальные комплексы тюрок второй половины V - первой половины VI в. н.э. от памятников данной общности более позднего времени, является низкая степень социальной дифференциации, зафиксированная в материалах погребений. Судя по всему, это отражает начальный этап в становлении общества раннесредневековых кочевников на Алтае. В целом, погребальные комплексы тюрок демонстрируют весьма слабую связь с традициями тюркской культуры Алтая.

Анализ выявленных закономерностей в расположении и локализации курганов тюрок Монголии показывает, что традиции погребальной обрядности кочевников этого времени не предполагали сооружения больших отдельных некрополей. Чаще всего объекты второй половины I тыс. н. э. были исследованы в ходе раскопок памятников более раннего времени. Дисперсное расположение курганов периода раннего Средневековья придельным образом осложняет массовые раскопки таких комплексов и, возможно, является одной из причин небольшого количества известных погребений. Другим фактором следует считать фрагментарность опыта целенаправленных исследований погребальных памятников тюрок, что также объясняет и немногочисленность известных некрополей населения данной общности на территории Казахстана и Средней Азии. В первой половине VI-второй половине VII в. фиксируется не только распространение памятников кочевников на обширные территории, но и определенная эволюция обрядовой практики номадов. Основным ее направлением стало постепенное усложнение наземных и внутри могильных сооружений и увеличение их вариабельности. Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, том числе появление северной ориентировки умерших.

Наряду с установившейся высокой степенью унификации погребального ритуала отмечен ряд отклонений, том числе появление северной ориентировки умерших. Распространение тюрок за пределы Алтая определило специфику обряда на отдельных территориях. Получение новых материалов кудыргинского этапа, а также введение в научный оборот результатов раскопок прошлых лет позволит уточнить представленные выше наблюдения и более детально реконструировать специфику погребальной обрядности раннесредневековых тюрок Центральной Азии в первой половине VI второй половине VII в.

В ране изученных курганов восточного Казахстана относящиеся к ранней средневековой тюркской эпохе в ходе экспедиции 1965-1967 годах под руководством Арслановой. В ходе изучения 23 курганов было обнаружено 5 курганов с ярко выраженной тюркском погребальным обрядом [1].

В исследованных пяти курганах обряд погребения довольно однообразен. Умерших хоронили в глубоких (1,4-2 м) грунтовых могилах овальной или под прямоугольной формы с закруглёнными углами преимущественно вытянуто на спине головой на восток или с некоторым отклонением к северу. Во всех случаях вместе с человеком погребали лошадь. В двух курганах скелеты лошадей лежат на одном уровне со скелетом человека, в остальных на приступке, устроенной вдоль южной или восточной стенки могилы. В трех курганах лошади были взнузданы, при них найдены удила, стремяна, подпружные пряжки.

Обряд погребения человека с конём является широко распространённым в тюркских памятниках VII-IX вв. на территории Алтая, Тувы, Монголии, Казахстана.

Подобный обряд погребения прослежен С.С. Сорокиным в курганах, исследованных в Катон-Карагае Большепенарымского района Восточно-Казахстанской области. В ряде курганов ранних кочевников Восточного Казахстана намечаются некоторые общие черты в обряде погребения с захоронениями VII-IX вв. Эта общность характеризуется следующими признаками: 1) форма и размеры насыпей и могил; 2) положение погребённых с устойчивой восточной ориентацией; 3) погребение человека с конём, положенным чаще всего на приступку.

Неравномерная изученность памятников тюркского времени, с одной стороны, и ранних кочевников, с другой, затрудняет окончательное решение этого вопроса, но и теперь можно предположить, что обряд погребения с конём с устойчивой восточной ориентацией и другими вышеперечисленными аксессуарами является своеобразным признаком погребального обряда местных племён Прииртышья.

Переходя к датировке рассматриваемых курганов, следует отметить, что сопровождающий инвентарь при погребениях довольно однороден и представлен конским снаряжением, оружием, украшениями, бытовыми предметами.

От конской сбруи сохранились железные стремена с широкой подножкой и восьмёркообразной петлей, подпружные пряжки (костяная — с Т-образным вырезом и округлой головкой, железные — овальной формы с подвижным язычком), двусоставные удила с восьмёркообразными кольцами, из них один экземпляр с дополнительным третьим кольцом и один экземпляр с S-овидными псалиями с прямоугольной скобой.

Из общего числа (27) наконечников стрел, найденных в рассматриваемых курганах, выделяются четыре типа: трёхлопастные (20 экз.), трёхгранные (4), округлые (2) и плоский (1) в сечении.

Среди трёхлопастных имеются широколопастные (тупоугольные) и узколопастные (остроугольные) наконечники. Форма плоского и округлых в сечении наконечников напоминает вытянутый треугольник.

Указанные формы наконечников стрел известны из памятников VII-IX вв. Павлодарского Прииртышья, Алтая, Тувы, Придонья.

Сабля (длина 80 см, ширина 3 см, длина рукоятки 12 см), найденная в кургане 1, была в деревянных ножнах, отделанных с лицевой стороны сплошь тонким листовым серебром, а с тыльной — продольными полосами из берёсты. Нижние концы ножен и рукоятки скреплены парными серебряными накладными бляхами, украшенными растительным орнаментом. Владелец сабли, вероятно, был человек знатного происхождения, о чем свидетельствует богатый инвентарь в кургане 1. Кроме сабли с серебряной отделкой, в нем были найдены остатки лука и колчана, наполненного стрелами, богато украшенный «боевой» пояс, серьги, перстень и др. Следует учесть при этом, что погребение взрослого ограблено и приведенный перечень не отражает действительного количества погребального инвентаря, имевшегося в кургане.

В исследованных курганах найдены украшения от четырех поясов. Из них выделяется пояс подростка (курган 1), от которого сохранились часть ремня, бронзовая пряжка с цельно отлитым щитком и железным подвижным язычком, четырнадцать восьмилепестковых бронзовых блях от основного ремня и семь блях такой же формы от подвесных ремешков, четыре наконечника ремня (три для подвесных, один для основного) и прямоугольная обойма.

Сохранились остатки от шёлковой сумки, сшитой на подкладке, найденные справа (у пояса) от скелета подростка (курган 1). В сумке помещался серебряный перстень (позолоченный) в виде несомкнутого кольца со щитком, в середине которого ромбовидное отверстие, обрамлённое стилизованными листьями, оканчивающимися гроздьями винограда. Аналогичные перстни нам неизвестны.

В двух курганах найдены золотая и бронзовая (3) серьги в виде несомкнутого кольца, часто встречающиеся в тюркских захоронениях от V в. до позднего средневековья.

Обычно бусы составляют категорию женских украшений, но в кургане 1 с мужским скелетом (ограбленном) найдены шесть бипирамидальных шестигранных бусинок, изготовленных из чёрного агата, и две шаровидные из сердолика. Форма этих бусинок близка к найденным в могильнике Саркел-Белая Вежа.

Данная специфика погребального обряда традиционна для этой территории тюркского периода также ярко представляется на территории Казахстана на примере комплекса Елеке сазы.

Продолжение исследования древнетюркского культово-мемориального комплекса на Тарбагатае Древнетюркский культово-поминальный комплекс (размеры - 47 x 87м), исследуемый нами с 2019 года, расположен на правом берегу р. Каркыта, в первой группе памятников, на восточном участке могильного поля Елеке-сазы. Он состоит из двух частей: из основной квадратной и примыкающей к ней прямоугольной входной. Обе они обнесены земляными валами и рвами, которые, в совокупности с другими элементами. Культово-мемориальный комплекс древнетюркского времени на Елеке сазы в процессе исследования в 2020 году Каменный диск с отверстием, найденный в камнях развала внутри храма составляют единый архитектурно-строительный ансамбль культово-мемориального назначения. Здесь не зафиксированы балбалы – вереница вертикально вкопанных столбовых камней, характерные для большинства подобного рода святилищ коркытов. Основной компонент комплекса - округлой в плане формы центральное сооружение-храм, возведен из обломков горных пород на утрамбованной глиняно-грунтовой платформе, размеры которой составляет 33x33 м. Основание самого каменного храма имеет под квадратную форму (30x30 м), его высота на момент фиксации составляла около 3м, но в реальности, была намного выше. Профиль сооружения напоминает усеченную пирамиду, однако, не исключено, что храм мог иметь многоугольную форму, что окончательно может быть установлено при полном завершении изучения элементов его конструкции. Работы по изучению конструкции храма еще не завершены, при разборке камней внутреннего развала был обнаружен каменный диск с отверстием в середине, наподобие пряслицы. В центре храма находилась, по-видимому, каменная статуя кагана (хранящаяся в настоящее время в фондах Национального музея РК, в г. Нур-Султан), выполненная в традиционной для царственной персоны сидячей позе со скрещенными ногами, а правая рука показана с сосудом на уровне груди, левая - покоится на колене. Такого рода культово-мемориальные комплексы, которые возводились только в честь самых выдающихся каганов, царевичей и государственных деятелей, известны, в основном, на территории современной Монголии. Второй компонент комплекса, который, примыкает к основному храму с востока, в свою очередь, состоит из трех элементов, Это лабиринт, сложенный из плоских сланцевых плит, расположен напротив основного входа в ансамбль извне, шестиугольный широкий зал с прямоугольным очагом из вертикально вкопанных плит в центре (предназначенный для очищения паломников огнем и жертвоприношения) и сквозной коридор с резко сужающимся концом, который непосредственно примыкает к основному храму. Вся конструкция данного компонента ансамбля возведена на платформе из плотно утрамбованной глиняной массы вперемешку с мелким гравием светло-коричневого цвета. На платформе коридора от входа в храм выделяется белесый грунт – площадка в плане прямоугольной формы, ширина которой 14 м, длина – 36 м. Границы площадки-платформы усыпаны мелкими камнями. Вокруг культово-мемориального комплекса расположены более 60 объектов погребального и поминального назначения, охватывающие время вплоть до этнографической современности. Вполне возможно, что некоторые из них имеют непосредственное отношение к комплексу и составляют его органическую часть.

Поэтому, в 2020 году нами исследована одна из каменных выкладок, которая до раскопа, в условиях развала, выглядела как овально-вытянутое (размерами 8,18 x 8,63м), каменное сооружение, расположенное в 8м к южнее от основного комплекса. Общий вид

выкладки, расположенного с южной стороны каганского комплекса после удаления дерна. В процессе изучения выяснилось, что конструктивную основу первоначального сооружения этого объекта составляла каменная выкладка-ограда прямоугольной в плане формы размерами 7,10 x 6,6 м. В средней части фиксируются каменные плиты, которые расположены с небольшим уклоном в середину. Прямоугольные углы выкладки-ограды были ориентированы по сторонам света. Стенки оградки были сложены из 3 до 6 слоев плоских плит. К конструктивным особенностям оградки является то, все четыре угла имели дополнительные кладки и на много 39 возвышались (предположительно, до 100 см) над стенками. Заметим, что такие погребальные оградки с возвышающимися углами можно наблюдать в погребальной практике у казахов. Выкладка-ограда полностью разрушена грабителями, в неглубокой могильной яме в ее середине были обнаружены разбросанные фрагменты останков погребенного. С наружной части этой выкладки были выявлены фрагменты трубчатых костей и конечности лошади, возможно, оставшиеся от распространенного у древних тюрков ритуала вывешивания на шесте шкуры этого животного. Здесь же найдена железная пряжка с подвижным язычком. Железная пряжка с подвижным язычком.

К этой выкладке была пристроена еще одна ограда, прямоугольной формы, размерами СВ-СЗ – 2,10 м, СВ-ЮЗ – 1,20 м. В ограде, с сохранившимися в два-три слоя кладки, на уровне древнего горизонта были выявлены потревоженные останки человека подросткового возраста, вероятно, женского пола, головой на восток с небольшим отклонением на юг. Остатки погребения с сопроводительными вещами при человеке сохранились три перстня из серебра, железный нож, восьмеркообразные железные удила и бусы из стекла и белого камня и поясная пряжка с подвижным язычком, и кольцевидное изделие из серебра. Вполне вероятно, что выкладка-ограда с погребением человека подросткового возраста появилась на сакральной территории культово-мемориального комплекса несколько позже, в условиях переосмысления его статуса, но в пределах одной исторической эпохи.

Подводя Итоги исследования за период 2019-2020 год было выявлено масса характерных и уникальных черт тюркского погребального обряда на территории комплекса Елеке-сазы. Было подтверждено в ходе анализа раскопок что храм представляет не типичное зигзагообразное строение для тюркского периода. Пока что в археологии для данного периода примером для тюркских археологических культур помимо уникальности храма на территории культурно мемориального комплекса была выявлена необычайно богатый погребальный инвентарь характерный для представителей высшего сословия. Предположительно в одном из найденных захоронении были найдены остатки погребенной в пристроенной оградке могут принадлежать обсуживающему к жреческому персоналу. На изученной оградке было обнаружено традиционно для этой культуры жертвоприношение на шесте шкуры лошади что примечательно характеризует этот комплекс как жертвенно ритуальный объект. На данный момент изучение данного комплекса является необходимым шагом для исследования тюркской археологической культуры для территории степной Евразии.

Исходя из статьи Арслановой, можно предположить что оградка возле культово-мемориального комплекса Елеке-сазы может принадлежать к 8-9 векам.

Список использованных источников

1. Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // [«Археологический сборник», вып. 8](#). – М.-Л., 1966. - С. 49-57.
2. [А.А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён](#). М.-Л., 1965, рис. [6](#), [16](#).
3. А.Д. Грач. Археологические раскопки...
4. [Ф.Х. Арсланова. Памятники Павлодарского Прииртышья \(VII-XII вв.\)](#). В сб.: «Новое в археологии Казахстана». Алма-Ата, 1968, табл. I, рис. 18-22, 43.

5. А.А. Гаврилова. Могильник Кудыргэ..., стр. 69.
6. О.А. Артамонова. Могильник Саркел-Белая Вежа. МИА, 109, М.-Л., 1963, рис. 49, 36.
7. С.А. Плетнёва. От кочевий к городам, стр. 169, рис 46/14.

УДК 902/904

ПАМЯТНИК НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КАЗАХСТАНА

Толеукадырова Асия Алексеевна

toleukadyrova@inbox.ru

Магистрант Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета
г. Семей. Казахстан

Научный руководитель – Ф.С.Рамазанова

Термин «наскальные изображения» мы используем в качестве собирательного, часто взамен дефиниций «петроглифы» и «писаницы», как наиболее употребляемое и общепринятое в современной науке понятие, в то же время не имеющее другого, повсюду узнаваемого синонима.

Данная тема актуальна, так как в последние десятилетия археологическая наука Казахстана переживает заметный подъем. Благодаря возросшему интересу к древней и средневековой истории, производятся крупномасштабные археологические работы на всей территории Республики. Необходимость всестороннего глобального взгляда на археологию Казахстана, обусловленная потребностями времени и социума, диктует сближение естественных и гуманитарных наук в решении проблем древней и средневековой истории Казахстана. Интеграция научных знаний, в свою очередь, позволяет подойти к решению проблем археологии Казахстана в контексте древней истории Центральной Азии. На фоне сближения наук, в то же время, можно заметить процесс зарождения совершенно новых научных направлений.

Наскальные изображения - наиболее универсальный источник по истории духовной и материальной культуры человеческих сообществ, зафиксированный практически на всех континентах. Петроглифы - уникальное явление в сфере развития духовного потенциала человека на протяжении многих тысячелетий, начиная с древнекаменного века. Изобразительные памятники фиксировали события, окружающую действительность, накопленный опыт и знания, мировоззренческие ориентиры в образах, метафорах, символах и передавали аккумулированную особым способом информацию последующим поколениям, выполняя специфическую функцию знаково-коммуникативной системы.

В последнее время в мире наблюдается всплеск интереса к проблемам изучения наскальных изображений - основного компонента древних изобразительных памятников, вследствие чего происходит колоссальное расширение источниковой базы научных исследований этого феномена культурного наследия, совершенствуются старые методы исследования, возникают новые. Продолжается процесс совершенствования приемов фиксации, документирования, а при определении хронологии используются последние достижения естественно-технических наук. Вырабатываются новые подходы к методологическим принципам интерпретации содержания петроглифов, как у отдельных исследователей, так и у различных научных школ и центров. Казахстан, как важнейший очаг центральноазиатского наскального искусства, изначально был интегрирован в этот процесс.

Целью данной работы является определение наиболее древних петроглифов Казахстана, а также поиск ключа к семантике наскальных надписей.

Наскальные изображения Казахстана входят в копилку центральноазиатского наскального изобразительного искусства, созданного творческим гением многих поколений художников-монументалистов. Они охватывают время от неолит-энеолита до позднего средневековья, хотя некоторые факты указывают на более ранний период появления